

63.3(2)63
Н-59

Ю. А. Нешумов

ГРАНИЦЫ АФГАНИСТАНА

Трагедия и уроки

Ассоциация «Военная книга»

СА-298316

ВОЕННЫЕ

МЕМОАРЫ

Юрий Алексеевич
Нешумов

Ю. А. Нешумов

ГРАНИЦЫ
АФГАНИСТАНА:
Трагедия и уроки

ca-298316

es

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
"ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. Н. К. КРУПСКОЙ"

Москва – Жуковский
«Граница» – «Кучково поле»
2006

ГЛАВА 1

Афганистан: тревожное лето 1979 г.

К силе его не присматривайся,
К вере его приглядиись

Афганская поговорка

Первые впечатления с прибытием в Кабул. Встречи с Амином, обсуждение пограничных вопросов. Наши первые советники в провинциях. Тактика мятежников. Наши планы и меры по пограничным делам, первые препятствия. Тараки — обсуждение ситуации. Поездка в Нангархар. Амин и хазарейцы. Разговор с Андроповым. Афганские пограничники — в армии, их серьезные потери на западе. Вылет в Герат. Конфронтация в руководстве ДРА. Возвращение в Москву.

Воистину неисповедимы пути военные: еще накануне готовил с офицерами штаба рекогносцировку в Арктике, а спустя пару дней оказался в самолете, летящем в прямо противоположном направлении — на Кабул.

Но все по порядку.

В марте 1979 г. штаб пограничных войск работал в обычном режиме. Обстановка на границе с Афганистаном нами оценивалась как относительно стабильная. Активность вооруженной оппозиции в отдельных афганских провинциях и в самом Кабуле воспринималась как явление почти неизбежное в этой стране после каждой смены власти. Мартовские события в Герате (мятеж отдельных частей гарнизона 17-й пехотной дивизии) были уже сиг-

налом тревоги, поскольку это было рядом с нашей границей. Но к тому времени наши пограничные отряды и заставы на этой границе были неплохо оснащены технически и в боевом отношении, и вполне надежно ее охраняли.

Утром 17 марта во время моего обычного доклада текущих дел В. А. Матросову (в то время начальник Пограничных войск КГБ), он неожиданно заинтересовался моей оценкой ситуации в Герате и, выслушав довольно скудную тогда у нас информацию об этом, добавил: «Только что звонил Юрий Владимирович. Вы должны быть у него сегодня к 14.00. Очевидно, речь пойдет о поездке в Афганистан».

Встреча у Андропова была непродолжительной. Он оценивал ситуацию в Афганистане как весьма тревожную. Подчеркнул, что ее обострение у наших южных границ может представлять для нас серьезную угрозу. Опасения, по его словам, вызывают рост террора и диверсий, других вооруженных акций мятежников. Мне и генералу Б. С. Иванову (в то время первый заместитель начальника ПГУ КГБ) предстояло уже завтра вылететь в Кабул. Основные задачи сводились к оценке ситуации в стране («оттуда идет много противоречивой информации») и на границах ДРА с Пакистаном и Ираном, подготовке предложений по улучшению их прикрытия и охраны, а также оказанию помощи представительству КГБ в Кабуле. Несколько смущало отпущенное на это короткое время (месяц), но, как мы с Борисом Семеновичем и предполагали, оно потом нам неоднократно продлевалось.

18 марта с Б. С. (так звали его между собой сослуживцы) были в аэропорту. Тут же, у самолета познакомились с нашим послом в ДРА А. М. Пузановым. Он был в отпуске и, узнав, что в Кабул вылетает спецрейс, присоединился к нам. Александр Михайлович был известной личностью не только в МИДе. Опытный партийный и советский работник (в сталинское и хрущевское время был первым сек-

ретарем Горьковского обкома партии, а затем председателем Совмина РСФСР), он довольно долго работал в Афганистане и, конечно, многое знал об этой стране.

Обменивались мнениями уже в самолете. Посол считал неэффективными действия афганских властей по стабилизации обстановки из-за их слабого профессионализма, недооценки объективных факторов. Ситуацию осложняли, по его словам, частая непредсказуемость их действий, особенно Амина, несогласованность и даже соперничество между силовыми ведомствами ДРА. Многие из этого нам с Б. С. Ивановым тоже было известно и, к сожалению, в реальности этих оценок мы вскоре убедились. Лично у меня ситуация в Афганистане и до совершения там Апрельской революции в 1978 г. вызывала неоднозначную оценку.

Постоянные заверения наших политических и государственных деятелей о традиционной советско-афганской дружбе и сотрудничестве, зародившейся в первые годы советской власти, конечно, были небеспочвенны: последовательно наращивалось наше экономическое сотрудничество с этой страной. Афганистан придерживался нейтралитета и не тяготел к каким-либо военно-политическим блокам. Короля Захир-Шаха, к примеру, почти ежегодно принимали в СССР с широким гостеприимством. Это не считая почти ежегодных его наездов на охоту в горные районы Таджикистана. Но были в этих отношениях и другие нюансы, большинству малоизвестные.

Так, королевская жандармерия и служба безопасности, если и не поощряли, то безмятежно реагировали на многочисленные противоправные действия своих жителей, особенно кочевников на советско-афганской границе, и это довольно часто приводило к пограничным инцидентам. Их спецслужбы готовились в основном в западных странах, опекались оттуда и у нас были основания полагать, что они активно сотрудничают с западными службами. Даже в редких случаях, к примеру, когда в Афганиста-

не нелегально оказывался советский гражданин, могущий быть использованным в разведывательных целях против СССР, афганские спецслужбы укрывали его и тайно переправляли его нашим по тем временам вероятным противникам.

Надо объективно признать, что за этими внешними, казалось бы, не глобальными событиями на советско-афганской границе, мы, точнее, наша разведка (в том числе и пограничная), неглубоко оценивали и слабо прогнозировали происходящие в этой стране внутренние изменения. А события там с начала 1970-х гг. развивались не по-восточному стремительно.

Нарастало острое противостояние между набирающей силу молодой Народно-демократической партией Афганистана — НДПА (исповедующей демократические принципы и дружбу с СССР) и исламскими группировками радикального, экстремистского толка. Характерно, что и те, и другие выступали против королевского режима Захир-Шаха, а затем и Дауда, совершившего переворот в 1973 г.

Попытка радикальных исламистов поднять мятеж в 1975 г. и захватить власть в Афганистане была подавлена правительственными силами Дауда, и это событие у нас в Среднеазиатском погранокруге (я в то время был его руководителем) и в Центре (на Лубянке) практически прошло незамеченным.

В случае прихода к власти исламистов становилось реальностью создание вдоль южных границ СССР вожделенного для Запада (Бжезинский и К^о.) пояса исламских государств («исламской дуги»): Турция, Иран (с приходом там в 1979 г. к власти духовников Хомейни), Афганистан и Пакистан, идеологически нацеленных на регионы Кавказа и Средней Азии.

При живучести радикальных исламских традиций среди части населения наших среднеазиатских и закавказских

республик и сохранении в северных районах Афганистана старой «басмаческой» базы (обосновавшейся там еще в 1930-е гг.) такой сценарий мог дорого нам стоить. Кстати, уже позднее, после так называемой Саурской (Апрельской) революции 1978 г. в Кабуле (к сожалению, тогда нами почти незамеченной), мне не раз приходилось слышать заверения некоторых афганцев — участников тех событий, что решиться на такой поспешный шаг их подвигла опасность захвата власти исламскими радикалами.

Думаю, что в этом есть доля истины, кстати, объясняющая отчасти и нашу повышенную (хотя и запоздалую) причастность к тем афганским делам. Словом, размышлять было о чем.

Вечером 18 марта прибыли в Кабул. Кабульский аэропорт напоминает дно огромной горной чаши и, приземляясь, самолет кругами довольно близко обходит нагроможденные по бокам скалы и каменистые террасы. Первые дни ушли на знакомство с персоналом посольства, сотрудниками представительства КГБ и изучение обстановки.

Представительство КГБ возглавлял мой старый товарищ — полковник (позже — генерал-майор) Леонид Павлович Богданов, начинавший офицерскую службу в погранвойсках, опытный специалист по Востоку. В составе представительства находился и пограничник — полковник Владимир Александрович Кириллов (мой сослуживец по Кавказу), прибывший сюда несколько ранее.

Как и предполагалось, события в Герате были лишь частным эпизодом, хотя в них, как выяснилось в последующем, проявились ошибочные и неоправданно жесткие меры провинциальных властей в отношении сотен афганцев-беженцев, возвратившихся из Ирана. Что, собственно, и вызвало недовольство и выступление части военнослужащих 17-й дивизии.

В стране нарастала активность оппозиционных режиму Тараки — Амина сил, применявших весь набор харак-

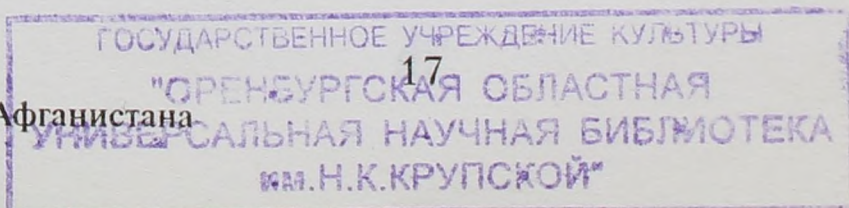
а - 298316

терных для Востока средств борьбы — от дезинформации, широкого распространения ложных слухов (запускаемых обычно из мечетей и с базаров) до вооруженных нападений на отдельные военные и административные объекты, а также актов диверсии и террора. Участились случаи перехода границы небольшими, но хорошо вооруженными группами мятежников из Пакистана и Ирана, где осели десятки тысяч афганцев, ушедших туда после апреля 1978 г. Там главари афганской оппозиции спешно создавали лагеря по подготовке боевиков, опираясь на мощную материально-финансовую поддержку Запада и богатых арабских шейхов. В этих лагерях, позднее станет известно, начинал свою «карьеру» террорист-организатор Усамы бен Ладен, подружившийся с американскими и пакистанскими спецслужбами.

Кабул и многие провинциальные центры наполнились слухами о готовящихся якобы антиправительственных мятежах и заговорах, о жестокости властей и правоохранительных сил и армии, действующих часто неуклюже — провоцирующе.

Внешне же, к примеру, в Кабуле мне это показалось мало заметным. Сотни людей в самых разнообразных, порой экзотических одеяниях растекались по многочисленным рынкам, дуканам и мечетям. Поток машин всех марок, размалеванных, загруженных до отказа «бурбухаек» вперемежку с верблюдами и ослами. И повсюду — терпкий запах кожи и кошмы, костров и мангалов. Все это создавало обманчивое впечатление обыденной расслабленности. К вечеру город пустел и переходил во власть многочисленных патрулей. Поездки по городу в такое время небезопасны: можно было нарваться на беспорядочную стрельбу какого-нибудь ошалевшего патрульного сарбоза.

Посольство наше — город в городе, в отличие от всех остальных. Построенное в 1960-е гг. с настоящим совет-

ским размахом, оно занимает площадь в несколько гектар на юго-восточной окраине Кабула, недалеко от дворца Тадж-Бек (пригород Дар-Уль-Аман). Здесь есть все для автономной жизни, включая свои источники водоснабжения, тепла, света, школу и даже хлебопекарню. Часть семей сотрудников посольства выехала в Союз (в одной из освободившихся квартир мы с Борисом Семеновичем и разместились), но многие семьи остались и это создавало послу дополнительные проблемы, поскольку их безопасность в городе, куда они выходили несмотря на грозные запреты, стала непредсказуемой.

На второй день отправились в МВД ДРА. В этом ведомстве, точнее, в царандое (что-то близкое к нашим внутренним войскам) находился Отдел пограничной службы ДРА. Познакомились с заместителем министра, начальником царандоя и куратором Отдела пограничной службы капитаном Таруном. Тарун, небольшого роста, коренастый офицер 33–35 лет, чертами лица смахивающий на хазарейца. Хорошо говорил по-русски (учился у нас в каком-то техникуме на Украине), был доброжелателен и словоохотлив. Однако, когда мы попросили его дать оценку состояния погранохраны, ее службы, он долго и пространно излагал «руководящие указания товарища Амина». Стало ясно, что конкретное состояние дел он не знает (об этом предупреждал и полковник В. А. Кириллов), и мы завершили на этом встречу, удовлетворившись его заверениями о всяческой поддержке им наших предложений и мер.

Удручающим осталось впечатление и от знакомства с Отделом погранслужбы (ОПС). Отдел ютился в двух или трех обшарпанных кабинетах, без каких-либо элементарных условий для обычной штабной работы. Его штат состоял из девяти офицеров, при знакомстве с которыми выяснилось, что среди них нет ни одного профессионала-пограничника. Под стать им был и начальник Отдела майор Хисамутдин, бывший летчик, получивший тяжелую

травму ноги при авиационной катастрофе. Конечно, ни настоящих дислокационных карт, как и других нужных оперативных документов (директивы, сводки и пр.) эти «пограничники» не вели, не имели, да и не могли этого делать.

Уже позднее, размышляя об этом, я стал понимать, что причина подобного крылась не столько в постреволюционном хаосе (ведь были же в Афганистане свои пограничники!) и неразберихе, сколько в сознательном намерении новых властей держать, как и в прошлом, охрану границы чисто символической. Позднее Амин на одной из встреч заявил прямо, что «...границу с Пакистаном, установленную англичанами (известна как «линия Дюранда») мы не признаем...». Власти, разумеется, не ожидали, что такая политика с обострением обстановки приведет к большим неприятностям. Прозрение к ним придет немного позднее.

Мы же тогда, потратив пару дней, сумели обобщить всю имеющуюся в Отделе информацию, уточнить дополнительными запросами недостающие сведения из провинций и составить в общих чертах представление о состоянии афганской погранслужбы.

Ее основу составляли погранбатальоны в провинциях (1–2), находящихся в подчинении местных органов царандоя. Каждый батальон имел 3–4 погранроты, а те — несколько пограничных постов (офицерские или сержантские). Всего на границе с Пакистаном (более 2 тыс. км) имелось 13 погранбатальонов, на границе с Ираном (более 860 км) — 3 погранбатальона, и на севере (граница с СССР — около 2 тыс. км) — 9 погранбатальонов. Их штатная укомплектованность составляла не более 40–50% к штату, а общая численность была около 8 тыс. человек. Думаю, не нужно объяснять, какая это была «защита» границ и каковы были возможности тех пограничников.

Боевой и специальной техники они не имели. Комплектовались на общих основаниях, но лишь тем пополне-

нием, которое оказалось непригодным для армии, то есть после армейского призыва. В отличие от армии, пограничники не имели централизованного снабжения (на радость царандоевским казнокрадам), их снабжение оплачивалось деньгами (опять — таки через провинциальный царандой) и многие пограничники, чтобы прокормиться, вместо службы подрабатывали у местных баев, охраняли дуканы и лавки. Конечно, эти подразделения были неспособны ни надежно охранять хотя бы отдельные, наиболее важные участки границы, ни тем более противостоять нападениям бандгрупп из Пакистана и Ирана.

Все это, мягко говоря, вызывало удивление, так как военную помощь (и весьма солидную) этой стране мы оказывали уже много лет, с 1956 г. За это время, к примеру, СССР поставил сюда (по данным ГКЭС) по различным контрактам: более 600 танков, 770 бронетранспортеров и БМП, более 2 тыс. орудий и минометов, 220 самолетов и вертолетов, около 140 тыс. автоматов и свыше 15 тыс. ручных пулеметов. И все это в основном уходило в армию.

20 марта состоялась встреча с Х. Амином, который к тому времени фактически руководил страной и бдительно опекал силовые структуры. После наших кратких с Б. С. Ивановым представлений и передачи приветствий от Ю. В. Андропова, Амин высказал удовлетворение контактами силовых ведомств сторон. Он оптимистично охарактеризовал ситуацию в Афганистане, хотя и не скрывал озабоченности некоторыми негативными тенденциями, упомянув и события в Герате. Касаясь пограничных проблем, он выразил готовность рассматривать любые наши предложения, подчеркнув, что «мы не обидимся на любые, даже резкие замечания».

Меня насторожили его фразы об ограниченных возможностях (прежде всего — кадровых) в развертывании погранвойск и необходимость «учитывать эти реалии». Пришлось объяснить, что укрепление пограничной служ-

бы, тем более действующей, по сути, в экстремальной ситуации, не может быть достигнуто без подготовленных офицеров, на это требуются годы. Из числа сержантов и солдат можно в ограниченное время (5–6 месяцев) подготовить некоторое количество офицеров, но они будущий костяк погранвойск не составят. Поэтому, организуя подготовку кадровых офицеров-пограничников в Академии царандоя (разумеется, с нашей помощью), в настоящее время вряд ли можно обойтись без поддержки армии и МВД (царандоя). Тем более что эти ведомства располагают значительным количеством офицеров и в лучшей степени, нежели пограничники, укомплектованы.

Амин ответил, что он подумает об этом и вновь подтвердил свою готовность встречаться по нашим вопросам в любое нужное время. Амин производил впечатление умного, волевого руководителя восточного типа. Среднего роста, смуглый, по-спортивному подтянутый. Взгляд цепкий, изучающий. По-русски не говорит. Мысли излагает четко, убедительно. Чувствуется хорошее знание ситуации и людей, его окружающих. Вернувшись в посольство, обменялись впечатлениями.

Поступившая из Герата дополнительная информация подтвердила наши первоначальные предположения: у гератских властей не было оснований для применения оружия (в том числе и артиллерии) по скоплению людей, хотя и были слухи о возможных нападениях мятежников. К тому же не было сомнений в том, что многие факты недовольства, накапливающиеся там среди местного населения и в гарнизоне (его превратили в место ссылки всех обиженных и штрафников), не могли быть тайной для властей Кабула. К сожалению, разграбленными в этом гарнизоне оказались не только склады текущего довольствия, но и мобилизационные запасы оружия и боеприпасов.

Вечером во дворе посольства встретил знакомого дипломата, приехавшего машиной из Герата. Он несет под

мышкой автомат Калашникова: купил в дорогу на гератском базаре за 50 афгани (по тем временам 5 пачек сигарет), а сейчас, кому его сдать. А мы голову ломали — как и чем вооружить тут пограничников?»

Понемногу удалось обобщить и проанализировать обстановку в приграничных провинциях. Она довольно тревожная: резко возросла активность враждебных правительству ДРА эмигрантских организаций «Исламская партия Афганистана» во главе с Г. Хекматьяром и «Исламское общество Афганистан» во главе с Б. Раббани. Оживились и другие, в том числе и проиранские исламские группировки. Непосредственным же сколачиванием и переброской в Афганистан вооруженных групп, главным образом из числа афганских беженцев, занимались пакистанские органы военной разведки. Почти ежедневно происходили обстрелы и попытки нападений на афганские пограничные посты.

Со многими провинциями и местными гарнизонами часто не бывало связи. В Кабуле появились слухи о возможном нападении на советское посольство (кстати, охраняемое лишь четырьмя штатными дежурными без оружия).

Вечером говорил по «ВЧ» с В. А. Матросовым. Доложил обстановку, о встрече с Амином, о наших ближайших замыслах. Попросил дать добро на мои донесения о вызове сюда в ближайшее время группы офицеров-пограничников в качестве советников на наиболее активные участки границы и команды (взвод) пограничников со средствами усиления (технические средства, служебные собаки) для охраны посольства. Вадим Александрович предложения одобрил, отправку людей обещал ускорить.

Первые же дни пребывания в Кабуле обозначили проблемы, решать которые надо было незамедлительно. Прежде всего требовалось организовать сбор и обобщение информации об обстановке на границах ДРА и в приграничных провинциях.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения
невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской областной
универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу:
г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-48